

Голованова Ирина Александровна

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье представлены некоторые результаты исследования проксемного поведения персонажей русских и немецких художественных текстов с позиции отражения в них этнокультурных особенностей отношения к пространству среди представителей русской и немецкой коммуникативных культур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 73-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

3. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. - М., 2000.
4. Пирс Ч. С. Как сделать наши идеи ясными // Вопросы философии. - 1996. - № 12. - С. 120-132.
5. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. - 1981. - № 4. - Т. 40. - С. 325-332.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОКСЕМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

*Голованова И. А.
Институт филологии СО РАН*

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Щегловой О. Г. и к.ф.н. Ивановой Е. А.

В статье представлены некоторые результаты исследования проксемного поведения персонажей русских и немецких художественных текстов с позиции отражения в них этнокультурных особенностей отношения к пространству среди представителей русской и немецкой коммуникативных культур.

В основу данного исследования легло понимание художественного текста, прежде всего, как хранителя этнокультурной информации. Овнешнённые образы сознания функционируют в форме текста, в котором зафиксирована специфика вербального и невербального поведения (НП) носителей того или иного языка и культуры. Ср.: текст - «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [Антипов и др. 1989: 87]. Если в устном общении невербальные сигналы являются спонтанными, то в письменной форме - это намеренно или неосознанно используемый художественный приём передачи паралингвистических и кинетических явлений, невербального поведения в целом, вербальными средствами. Таким образом, восприятие и функционирование инокультурного текста может являться предметом научного исследования, направленного на выявление этнокультурной специфики коммуникативного сознания представителей разных лингвокультурных общностей. Данное положение применимо и к особенностям проксемного поведения, поскольку «каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции» [Крейдлин 2004: 468].

В каждой этнокультуре существуют свои правила проксемного поведения, или отношения человека к коммуникативному пространству и взаимодействия с этим пространством: по-разному определяются такие важные в культурном, социальном и коммуникативном плане понятия, как своё и чужое пространство, довольно значительно различаются социальная, личная и интимная зоны, причём варьируются не только их метрические величины, но и качественные характеристики. Так, «в Юго-Восточной Азии люди, желающие вступить в диалог, как правило, не подходят слишком близко друг к другу, чтобы не коснуться партнёра, поскольку, например, даже нечаянное прикосновение к голове партнёра в соответствующих культурах рассматривается как серьёзное нарушение этикетных норм проксемного взаимодействия» [Крейдлин 2004: 468]. Этнокультурное окружение определяет такие правила проксемного поведения, как выбор места и расстояния между коммуникантами, пространственное взаимное положение и ориентацию тел во время общения; по-разному распределяется коммуникативный «вес» относительно различных пространственных параметров. Особые правила фиксируют культурно-специфичные закономерности в соотношениях между полами участников ситуации общения и типом коммуникативного расстояния между ними, отражают неодинаковое для людей разных культур отношение к присутствию третьих лиц в актуальном коммуникативном акте, ими определяются культурная ценность и функциональная значимость той или иной разновидности проксемного появления.

Традиционно германскую коммуникативную культуру относят к «холодной» европейской культуре (особенно в сопоставлении с романской), а жителей Германии считают сдержанными. Немцы, характеризуя собственный коммуникативный этикет, дают следующие рекомендации по поводу организации, например, делового пространства: „Auch im Büro gibt es Schutz- und Distanzzonen. Beim Plausch auf dem Flur oder im Meeting empfinden Menschen eine Distanz von 60 Zentimetern als Intimzone» [Wirtschaftswoche 2007: 97]. При этом, описывая аналогичные ситуации для России, автор процитированной работы отмечает: „Der Körperabstand in Russland ist geringer als bei uns. Im Gespräch wird auch schon mal der Arm berührt oder auf die Schulter geklopft» [там же: 101]. Наши наблюдения над тем, как немцы организуют своё пространство, подтверждают данное положение. В частности, в Германии даже жилые дома обустроены так, чтобы «выразить» максимум личной территории, ответственность за которую, например, в форме варьируемого (в отличие от постоянно-архитектурного) индивидуального декорирования, может распространяться далеко за пределы стен дома (в частности, около входных дверей домов нередко стоят горшки с цветами, здесь же могут «поселиться» игрушки, вывешиваются таблички, внешнюю сторону дверей принято украшать, в окнах, особенно перед Рождеством или Хэллоуин, а также на Пасху, также вывешиваются различные игрушки и подсветки, в саду или на тропинке, ведущей к дому, устанавливаются декоративные украшения, призванные создать уют и положительно маркировать территорию как «свою», «освоенную»). Если у русских подобная «своя», или «освоенная», территория часто заканчивается входной дверью квартиры (например, соседи по площадке в многоэтажных домах позволяют себе оставить мусор в коридоре, наследить, не убрав за собой грязь, по-

сколькx коридор - это уже «неосвоенная» территория), то жители Германии рассматривают как «свою» не только жилую зону, но и обозначают ещё пространство вокруг дома как свою собственность.

В связи с вышесказанным нами была выдвинута гипотеза, что такие свойства проксеимной организации пространства должны найти отражение и в художественных текстах, поскольку их авторы являются носителями и трансляторами конкретных коммуникативных этнокультур. Для подтверждения или опровержения этой гипотезы мы обратились к русским и немецким текстам детективных и фэнтезийных жанров. При выборе жанров важную роль сыграл тот факт, что этноспецифика коммуникативной культуры ярче определяется при сопоставлении текстов тех жанров, которые предполагают относительно «полное» авторское «изобретение» художественной действительности.

Описания организации коммуникативного пространства между персонажами были зафиксированы нами во всех исследуемых текстах. Как в русских, так и в немецких романах такие описания составили около 10% от общего количества контекстов, определяющих НП. Однако было выявлено, что в немецких текстах приближение к собеседнику выражает преимущественно негативное намерение персонажа-инициатора сокращения дистанции. Так, в немецком романе детективного жанра контексты, описывавшие такое приближение, выражали лишь негативное значение (угрозы, попытки нанести телесные повреждения, убить и т.п.), напр.: *„Wo ist der Schlüssel?“ Er war aufgestanden und kam um den Tisch auf mich zu* [Berger: 243]; *Zu allem Überfluß löste er sich, endgültig, wie es schien, vom Kamin und kam, die Hände auf dem Rücken, auf mich zu. Ich kam mir wie belagert vor* [Berger: 105]. В первом случае персонаж недоволен, ему нужен ключ, который его собеседник не отдаёт ему. В нетерпении он подходит к нему и именно своим невербальным поведением даёт понять, что ключ лучше отдать. Но если в этом случае о такой интерпретации сокращения дистанции читатель может догадаться, только если сам правильно истолкует НП, то во втором контексте неприятное впечатление от приближения персонажа-партнёра по коммуникации подтверждается непосредственно в тексте: «я почувствовал себя осаждённым», - говорит рассказчик, то есть, как и в первом случае, приближение персонажа-коммуниканта расценивается как «неприятное». В немецких романах-фэнтези зафиксированы контексты, в которых намерение войти в личное пространство персонажа помимо угрозы передаёт также доверительное отношение (*Die Untergründige kam an seine Seite, legte ihre Hand dieses Mal auf seinen Rücken und neigte sich zu ihm. „Ich denke, es gibt einen Verräter unter euch, Tungdil“, flüsterte sie* [Heitz: 370]; *Sie beugte sich vor und flüsterte. „Außerdem - glaubst du im Ernst, ich lasse mich mit jemanden, der den Spiegelzauber beherrscht, auf ein Spielchen ein?“* [Blazon: 133]), интерес (*Unwillkürlich beugte er sich vor, um besser sehen zu können* [Blazon: 281]), любопытство (*Kiany trat neugierig näher, um das Bild zu betrachten* [Felten: 29]), желание быть рядом (*Rodario stellte sich dicht neben sie, um ihr möglichst nah zu sein* [Heitz: 77]), а также возможность более тесного, вплоть до телесного, контакта (*Sie schmiegte sich an ihn; er fühlte ihre warme Haut, roch ihre Haare* [Heitz: 79]). Но, несмотря на столь разные значения, выражаемые сокращением дистанции, общая тенденция, когда сокращение дистанции между собеседниками вызвано негативными намерениями одного из них, сохраняется: количество таких примеров в немецких текстах преобладает. Так, из 97 случаев вербализации перемещения персонажа в направлении к другому, 45 имеют негативный оттенок - угрозу, предупреждение и т.п. Показателен следующий пример: *„Was soll das heißen?“ Frau Wiskirchen sprang mit einem Satz aus dem Sessel und trat dicht an mich heran; <...> „Das geht mich nichts an“, Frau Wiskirchen trat einen Schritt von mir zurück, ich hatte das Gefühl, wieder freier atmen zu können* [Berger: 105]. Автор не только указывает на изменение расстояния между собеседниками, но и описывает те ощущения, которые при этом возникали у одного из коммуникантов, а именно: как только фрау Вискирхен отступила назад, её собеседник почувствовал облегчение, ему стало легче дышать (*ich hatte das Gefühl, wieder freier atmen zu können*).

В текстах же русских авторов из 67 примеров, описывающих сокращение дистанции, только 7 выражают негативное намерение коммуникантов («Этот недомерок мой!», - Громила с рапирой наперевес бросился к де Суоза, опередив неспешно подходящего дворянина [Пехов: 21]; Возмущенно раздувая щеки, человек направился к Фернану [Пехов: 6]; и т. д.).

Приведём следующий пример, который, на наш взгляд, также иллюстрирует специфическое отношение немцев к своему пространству: *Humbach stand auf, erstaunlich geschickt und schnell kam er auf die Füße. Er ging um mich herum, und ich mußte einige Willenskraft aufbieten, um mich nicht nach ihm umzudrehen. Er hantierte in meinem Rücken, ich hörte etwas Metallisches knipsen, dann wie ein Streichholz angerissen wurde. Gleich darauf erreichte mich der aromatische erste Rauchschwalm von einer Zigarre* [Berger: 81]. Хумбах заходит за спину другого персонажа, заранее зная, как это будет неприятно его собеседнику. При этом собеседник, которым оказывается рассказчик, изо всех сил старается не поддаваться на эту уловку и не обернуться, признав тем самым свою слабость, свой страх перед Хумбахом. В итоге это ему удаётся, хотя и с большим трудом. Показательно, что именно через описание перемещения тел в пространстве и нарушения правил проксеимного поведения (расположение за спиной человека во время беседы) выражена скрытая борьба двух людей. Ещё один интересный случай - описание проксеимного поведения официанта как носителя немецкого коммуникативного этикета: *Das „Restaurant Tucher« war mir natürlich trotzdem nicht unbekannt. <...> Die Teppiche waren dick, der Mann im Cut, der wie eine Schaufensterpuppe neben der Garderobe stand, kam zwei Schritte auf mich zu und musterte mich diskret aufdringlich, ehe er meinen Trenchcoat nahm* [Berger: 126]. В том, что официант подошёл к вновь прибывшему гостю, чтобы забрать у него пальто, нет ничего неожиданного, но примечательным является вообще регулярное присутствие в текстах столь банальных для русского читателя описаний движений. Объяснение этому - все тот же факт более «трепетного» отношения к личной зоне в немецкой

культуре. Наконец, возможны описания «непередвижения», а именно: „*Das ist Herr Schweizer*», *sagte er mit einer Handbewegung, und mehr zu ihr, als zu mir gewandt, sagte er: „Frau Doktor Annelis Schneifel, meine Frau» <...>. „Hallo!» Sie kam nicht näher; vielleicht hatte sie bei ihrem professionsbedingten Verständnis für Maße und Proportionen erkannt, dass die Entfernung, die sie enthielt, die beste sei, um ihren schweren Kaminrock unterhalb der leichten Bluse und das, was die Bluse blähte, zur Geltung zu bringen* [Berger: 146]. После представления женщина не сдвинулась с места. Доктор Шнайфель объяснил такое поведение её желанием сохранить оптимальное расстояние между ними, поскольку, по его мнению, на расстоянии лучше были видны её юбка и блузка, и таким образом она хотела покрасоваться перед ним. Однако это является только его предположением (на это указывает вводное слово *vielleicht*). Но, зная более широкий контекст романа, читатель понимает, что дама просто не хотела знакомиться с этим человеком (и пожимать ему руку, например).

Современная проксемика занимается не только изучением изменения расстояния между коммуникантами, но и тем, как они организуют своё пространство. Изучая вербализацию проксемики поведения, мы сделали следующее наблюдение: значительное количество немецких контекстов (в сопоставлении с русскими) фиксирует перемещение в интерьере, например, движения по направлению к столу, шкафу, камину и т.д. При этом свободно в интерьере передвигается только его хозяин, гость остаётся на одном месте - в кресле или стуле, куда ему изначально было предложено сесть. Такие данные еще раз подтверждают наблюдение, что немцы весь свой интерьер считают своей личной зоной. Коммуникативно компетентный гость, понимающий, что он находится на чужой территории, ведёт себя соответственно.

Немалую роль в немецких описаниях интерьера играет расположение стола, и значительное количество контекстов описывает стол и положение персонажей относительно его. Известны различные способы размещения собеседников за столом. Определённые положения характерны для официальных переговоров, дружеских и интимных встреч и других ситуаций. Собеседник может занимать относительно второго коммуниканта четыре основных положения: угловое, положение сотрудничества (оба собеседника находятся на одной стороне стола), оборонительно-соревновательное (собеседники сидят друг против друга, а между ними оказывается стол) и независимое (коммуниканты сидят по разные стороны стола, но не напротив друг друга) [Пиз 1992]. Интересно, что среди немецких контекстов, описывающих положение собеседников за столом, встречаются лишь выражающие оборонительно-соревновательное положение. В примере *Ich sitze auf der Besucherseite seines Schreibtischs und rutsche auf meinem Stuhl hin und her, und er bedenkt mich alle Minuten mit einem Blick, der in Kummer schwimmt* [Berger: 6] автор даже подчеркивает, что герой сидел *на стороне для посетителей*, т.е. напротив хозяина, принимавшего гостей. Подобные примеры иллюстрируют, насколько для немецких авторов важны все детали в описаниях коммуникативной организации пространства. Более того, стол как элемент интерьера в немецком коммуникативном сознании - некая черта, граница, за которой сидящий чувствует себя в полной безопасности. В этом контексте интересен следующий пример: *Ich enthielt mich schon jeder Stellungnahme, um ihn nicht zum Widerspruch aufzureizen oder ihm gar Gelegenheit zu geben, meine Worte als Zustimmung aufzufassen, und hustete stattdessen. Ohne Erfolg. Erst als er <...> mit knapp gewordenem Atem zu seinem Schreibtischstuhl ging <...> versiegte die Regestrom* [Berger: 163]. Контекст содержит описание человека в состоянии такой ярости, что окружающие боятся сказать лишнее слово (*Ich enthielt mich schon jeder Stellungnahme, um ihn nicht zum Widerspruch aufzureizen*). Атмосфера немного «оттаивает», только после того, как разъярённый собеседник вернулся к своему креслу около стола. Важность стола как предмета, организующего немецкое индивидуальное коммуникативное пространство, можно проиллюстрировать тем, что в ряде случаев авторы даже уточняют размер и форму стола, не существенные для сюжета, например: *Zwischen uns war der löwentatige Schreibtisch* [Berger: 166] или *Er wirkte sehr klein hinter dem mächtigen Schreibtisch* [Berger: 49]. Если человек не хочет идти на контакт со своим собеседником, он прячется за стол: „*Junger Mann, es gibt keinen Fall Küpper - oder doch nur einen Unglücksfall*». *Er setzte sich wieder auf seinen Platz hinter dem Schreibtisch und rammte den Stopfer so heftig in den Pfeifenkopf, dass die Funken stoben* [Berger: 51-52]. И, наоборот, если персонаж готов идти на контакт, то он выходит из-за стола навстречу входящему, причем это движение в равной степени этикетно значимо в русской и немецкой коммуникативных культурах: *Советник <...> вышел из-за письменного стола, крепко пожал Николасу руку и предложил сесть в donotonное кресло* [Акунин: 97]; „*Komm ´rein, Clemens*», *sagte er, nahm die Brille ab und kam hinter dem Schreibtisch vor* [Berger: 57].

В целом, выдвинутая нами гипотеза о том, что этнокультурные особенности организации коммуникативного пространства должны найти своё отражение в художественных текстах, подтверждена объемным текстовым материалом. Проведённый анализ позволил определить, какие именно особенности проксемики поведения немцев преимущественно отражаются в художественных текстах. Это, во-первых, демонстрация маркировки личной коммуникативной зоны как более широкой в сопоставлении с русской зоной, во-вторых, регулярное использование сокращения коммуникативной дистанции как знака негативного намерения инициатора этого сокращения, в-третьих, доминирование немецких проксемики описаний «за столом», как правило индивидуальным рабочим или сервировочным (значительное количество контекстов, описывающих двух коммуникантов, связано именно со столом как с предметом мебели и положением владельца относительно него), в отличие от русских описаний «застолья», где «столом» может быть все что угодно, и такой «стол» чаще выступает как «общая», укрепляющая взаимное доверие и объединяющая коммуникантов территория. Таким образом, выявление особенностей функционирования паралингвистических и кинесических средств в художественном тексте, а также способов их репрезентации имеет решающее значение при опре-

делении этноспецифики НП и направлено на то, чтобы обеспечить адекватное и точное восприятие оригинального письменного текста представителями разных лингвокультур.

Список использованной литературы

1. Антипов Г. А., Марковина И. Ю., Донских О. А., Сорокин Ю. А. Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989.
2. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. - М.: Новое лит. обозрение, 2004.
3. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. - Нижний Новгород, 1992.
4. *Wirtschaftswoche* 2007.

СТИЛЬ И ЖАНР: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ

Горобец О. Б.

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Чекалиной Е. М. и д.ф.н., доц. Шунейко А. А.

Исходя из того, что жанр отличается единством композиции, темы и стиля, автор предлагает рассматривать стиль как систему динамического балансирования между разнородными текстовыми параметрами, между композиционными и тематическими элементами текста. В статье утверждается, что проблематика жанровых исследований настолько сложна и разнообразна, что не может быть решена в рамках стилистики жанров, поскольку требует значительного расширения методов исследования. Подобная широта подхода может быть представлена в таком направлении, как жанроведение.

«Где стиль, там жанр».

М. М. Бахтин

Выявляемые в ходе анализа большого количества одножанровых текстов приметы «коллективного стиля» дают основания говорить о существовании особой «стилистики жанра», под которой понимают «всю совокупность дифференциальных стилистических признаков, создающих относительно самостоятельную стилистическую систему жанра» [Григорьев 1983: 4]. Круг вопросов, связанных с определением таких стилистических жанровых систем настолько широк, что он начинает выделяться в отдельное направление жанровых исследований - стилистику жанров (или: жанровую стилистику, стилистику жанра, *la stylistique des genres*). Стилистика жанров изначально мыслится как поливалентная дисциплина, прежде всего, в силу гибридности предмета своего изучения, а также в силу крайней разнородности самой стилистики как таковой. Сложившееся положение, с одной стороны, открывает широкие перспективы для научного поиска, а с другой стороны, размывает границы стилистики жанров, не позволяет считать её самостоятельным научным направлением. С этой точки зрения стилистика жанров «наследует» извечные проблемы стилистики: «вездесущность» стиля позволяет стилистике по меткому замечанию Б. Вуйю «всюду чувствовать себя как дома»: «le style est là où campe la stylistique et ... celle-ci, ... est, comme le Roi, partout chez elle» [Vouilloux 2000: 884], но при этом создает серьезные проблемы методологического характера. Ведь «размытость» понятия «стиль» значительно затрудняет определение предмета стилистики как отдельной научной отрасли.

Похожая картина складывается и со стилистикой жанров: поскольку всякий текст существует как некая жанровая форма, для данной дисциплины открывается широкое поле деятельности; однако понятие жанра до сих пор остается неясным, а, следовательно, неясны и критерии собственно жанрового анализа. Иначе говоря, зачастую совершенно непонятно, чем традиционный стилистический анализ текста отличается от анализа с позиций стилистики жанров.

Действительно, положение складывается так, что стилистика жанров, как и вся стилистика вообще, «толкует в свою пользу» любое языковое явление, не предоставляя при этом веских и научно обоснованных доказательств того, что, например, употребление какого-либо конкретного языкового средства или текстового приема имеет именно и исключительно жанровое значение. Таким образом, всё, что обнаружено в тексте, может быть в равной степени отнесено как к жанру, так и к стилю.

Влияние данных категорий на организацию текста настолько велико, что всякий языковой или текстовый прием, попадая под их экспансию, расценивается как средство создания жанрового/стилистического своеобразия. Можно сказать, что жанр и стиль в тексте повсюду и нигде конкретно!

Трудно отрицать значение жанрового и стилистического факторов в создании текста, однако ещё труднее выделить в тексте строго определенный жанровый или стилистический уровень, назвать те или иные языковые средства и приемы, которые непосредственно задействованы именно в создании жанрового или стилистического своеобразия текста. Вероятно поэтому исследователь, приступающий к стилистическому, а тем более к жанровому анализу текста, либо не обнаруживает в нем ничего специального, либо легко попадает под соблазн признания любого текстового явления стилистическим или, соответственно, жанрообразующим. В таких условиях соединение стиля и жанра в рамках стилистики жанров сулит дальнейшее смешение данных понятий и форм их проявления в языке, а, следовательно, и